

РЕЛИГИЯ
В ЖИДКОМ ВИДЕ

АМОРАЛКА

В левых политических группах России, особенно - в молодых по составу, хватает радикальных слов и даже радикальных дел. Но вот оказывается, что всего этого заряда радикализма недостаточно, чтобы совершить такой радикальный поступок, как отказ от пива и других алкогольных напитков.

Можно понять, когда свою жизнь без пива или водки не представляет рабочий или служащий, которых мысли о каких-то радикальных действиях не посещают и в страшном сне. Но вот когда жизнь без пива не представляют себе борцы с фашизмом, расизмом, милитаризмом, сексизмом и многими другими проявлениями капитализма, то это требует объяснения. Сам собой возникает вопрос: почему левые не борются с алкоголизмом - одним из самых отвратительных проявлений капитализма? Борцы с фирмой «Макдональдс» имеются. А где же борцы с фирмой «Балтика»? Наверное, ушли за «Клинским». Между тем, производители алкоголя относятся к самому реакционному слою капиталистов. Именно они, как никто другой, подавляют у народа малейшее желание изменить нынешнюю безумную жизнь. Все алкогольные изделия, начиная с пива, содержат то или иное количество этилового спирта. Он оказывает на организм человека токсичное и наркотическое действие. Спиртное - это легальный наркотик, который приносит баснословные прибыли «алкобаронам» и одновременно эффективно уничтожает стремление и способность пролетариев к самоорганизации.

Давно сказано, что алкоголь - это религия в жидком виде. Действительно, если в религии ищут утешения и умиротворения, то с помощью спиртного «расслабляются» и «оттягиваются» - тоже ищут своеобразного умиротворения. Само собой понятно, что «умиротворение» будь то посредством религии или алкоголя выгодно капиталу и его власти.

Нужно понять, что нет лучшего средства отключить мозги человека и превратить коллектив в толпу, чем пиво, вино и водка. Именно поэтому, всякий отказавшийся от алкоголя, для власти подозрителен (а вдруг думать начнет). А всякий сознательно выступающий против алкоголизма и производитель алкоголя - бунтовщик и «подрыватель основ».

Нет смысла в многословных доказательствах вреда алкоголя для тех, кто пытался вести серьезную борьбу с существующей системой. Достаточно привести пример шахтерских забастовок. Когда в 1989-90 годах шахтеры выступили против госкапиталистической системы в СССР, то первое, что они сделали - ввели для себя полный отказ от алкоголя - «сухой закон». И он неуклонно соблюдался, пока борьбу шахтеров не превратили в средство для достижения чуждых им целей.

Тот факт, что российские левые помогают «алкобаронам» извлекать сверхприбыль, попивая пиво, вино и водочку, доказывает, во-первых, что они находятся в алкогольной зависимости и, во-вторых, что в серьезной борьбе они, скорее всего, участвовать не собираются. И первое и второе плохо, хотя бы потому, что снижает притягательность социалистической альтернативы в глазах трудящихся. Пора бы понять, что всякий сторонник левых взглядов, который произносит радикальные фразы и при этом потягивает пиво, просто карикатурен. А история показывает, что в пивных забегаловках способен зародиться только нацизм.

Г. Минаков, Ростов-на-Дону

В 1978 году группой ленинградской молодежи были выпущены два номера небольшого машинописного журнала. Ядро группы составили бывшие ученики 121-й физико-математической школы - Андрей Резников, Аркадий Цурков и я. В группу входили, помимо выпускников 121-й школы, две Ирины, которые потом стали женами Резникова и Цуркова, а также наш друг Алексей Хавин, с которым я познакомился при весьма примечательных обстоятельствах. 14 декабря 1976 года мы оба пришли на Сенатскую площадь посмотреть, не будет ли попытки повторить разогнанную властями год назад диссидентскую демонстрацию по случаю годовщины восстания декабристов. Разговорились. Оказались во многом единомышленниками...

Итак, было выпущено два номера. Готовился к выходу третий, но выпустить его мы не успели. В октябре 1978 года в результате тщательно подготовленной и блестяще проведенной широкомасштабной операции Управлением комитета госбезопасности Ленинградской области наша деятельность была пресечена.

Объем нашего журнала - 30-40 страниц, форматом в половину стандартного машинописного листа. Тираж - 10-12 экземпляров. Две закладки на машинке. Пару экземпляров второго номера я успел дополнительно отпечатать фотоспособом.

СМЕЛО И БЕЗОПАСНО
КРИТИКУЙТЕ
НЕДОСТАТКИ В РАБОТЕ!

Первый номер вышел без названия, по поводу которого никак не смогли договориться. Ко второму номеру все же сошлись на названии «Перспектива». Издание имело подзаголовок: «общественно-политический журнал ленинградских левых». И мы действительно были очень левыми. Не в нынешнем, а в традиционном, общепринятом в те времена значении этого слова. Основной нашей мировоззренческой была своеобразная смесь из идей марксизма и анархизма. Именно такая смесь идей была характерна для леворадикального движения на Западе в 60-70-е годы, которое именовалось «новые левые». И мы сознательно подчеркивали наше идейное родство с этим движением. Главными моментами, определявшими наши взгляды, были:

- 1) неприятие западных «буржуазных» ценностей и вера в торжество коммунизма;
- 2) сознательная установка на активную политическую борьбу за изменение существующего в СССР строя;
- 3) неверие в способность этого строя совершенствоваться и надежда на свержение существующей власти в результате народной революции.

Сегодня приходится сталкиваться с утверждениями, что подобные установки были характерны лишь для самого раннего периода советского инакомыслия - периода 50-х - начала 60-х годов. Инакомыслие же 70-х базировалось на ценности западного либерализма и не стремилось к политической борьбе. Диссидентско-правозащитники лишь защищали от существующей власти свою интеллектуальную свободу. Подобные утверждения часто бывают основаны на ставшем сейчас весьма модным отрицании за леворадикальной идеологией права на существование в цивилизованном обществе.

При такой установке все получается очень просто: леворадикальные взгляды - отрывка советского идеологического воспитания и вследствие информационной блокады, результат существования «железного занавеса», когда люди просто не имели возможности ознакомиться с какими бы то ни

было альтернативными идеями. Как только кругозор стал чуть пошире, эту «детскую болезнь» тут же преодолели.

Но, во-первых, упомянутые факторы продолжали действовать и в 70-е, и даже в 80-е годы. Я, например, до своего первого ареста в октябре 1978 года из там- и самиздата держал в руках лишь отрывок почти «слепого» машинописного экземпляра сборника «Из-под глыб» да фотокопию одного из номеров журнала «Континент» (тоже, кажется, не целиком).

Во-вторых. Последнее время мно-

Александр Скобов
«ПЕРСПЕКТИВА» -
ЖУРНАЛ НОВЫХ ЛЕВЫХ

го и, в общем, правильно говорят и пишу о том, из каких темных глубин человеческой души рождается отрицание частной собственности. Я же полагаю, что темные глубины - не единственный источник подобного отрицания. Это попытка, пусть и неудачная, ответить на и извечный вопрос: как людям достичь братства между собой? Я уверен, что это был главный и самый глубинный побудительный мотив у каждого из участников группы, объединившейся вокруг журнала «Перспектива».

Именно потому, что не все в этом вопросе так просто, мне представляются наиболее интересными в истории журнала наши идейные искания. На них я и сосредоточусь.

Действительно, многое в наших взглядах было «отрыжкой советского воспитания». Мы разделяли утопическую веру в то, что с помощью политических и экономических преобразований можно решить все человеческие проблемы. Созаемся, что наши представления о современном капитализме основывались на том образе, который создавался официальной пропагандой. Мы в полной мере испытали также воздействие известного обаяния культивировавшейся революционной героики и революционной романтики. Нам с детства внушались идеализированные, лубочные представления о революции вообще. Понимание, что любая революция имеет и темные стороны, приходило не сразу, а марксизм с его претензией на универсальность, казался стройной и целостной, научно обоснованной системой и этим привлекал. Привлекала сама его безапелляционность, всегда действующая на неокрепшие умы. Казалось, что с помощью марксистских схем можно все разложить по полочкам и ответить на все волнующие нас вопросы.

С другой стороны, было очевидно, что существующая власть в своих явно корыстных интересах обращается с марксизмом, мягко говоря, некорректно. И мы решили, что достаточно очистить марксизм от искажений, внесенных в него реакционной властью, творчески развить его, то есть дать истинно марксистский анализ существующего положения, и всем сразу станет очевидна порочность нашей общественной системы, и будет указан единственно верный путь в будущее.

Эту задачу - задачу развития передового учения и вооружения этим учением оппозиционных существующему режиму сил - и ставил наш журнал. В этом вопросе мы целиком шли за Лениным. Наш печатный орган должен был стать коллективным пропагандистом и коллективным организатором.

Марксистскую оценку существующему в СССР строю мы дали довольно быстро. Мы определили его как высшую стадию государственно-монополистического капитализма, когда само государство становится единым и единственным коллективным капиталистом. Некоторые из нас считали целесообразным для этой формации ее самоназвание «социализм», пополнив его новым содержанием. Споры о названии занимали не последнее место в процессе творческого развития «передового учения».

Быстро мы нашли и господствующий, эксплуататорский класс в советском обществе. Назвали его партийно-государственной бюрократией. Слово «номенклатура» нам было тогда еще не знакомо, и про Джиласа мы ничего не слышали. Вообще, мы пребывали в приятном заблуждении, что до всех этих истин додумались первыми в мире.

Несколько дольше мы искали передовой класс, класс - «авангард всех трудящихся», класс-гегемон будущей коммунистической революции. Но в конце концов нашли и его. Им оказалась современная интеллигенция. На

К СВЕДЕНИЮ

Александр Скобов (1957 года рождения) получил образование историка. В 70-е годы был одним из организаторов молодежной коммуны, участвовал в деятельности Свободного межпрофессионального объединения трудящихся. В 1978 году арестован за издание журнала «Перспектива». В 1982г. - новый арест, за распространение материалов польской «Солидарности». Всего в тюрьмах и психбольницах А. Скобов провел более 7 лет, освобожден с началом «перестройки». Впоследствии вступил в Демсоюз, стал правозащитником... Но, думается, это не перечеркнет его вклад в марксистскую критику госкапитализма в СССР и работу над одним из самых значимых советских левых журналов застойных лет.

нее мы просто перенесли все характеристики, данные в «Манифесте коммунистической партии» тогдашнему пролетариату. И самая быстро растущая, и связанная с наиболее передовыми знаниями, и терять ей вроде бы особенно нечего.

Насколько мы были в плену у догм, видно хотя бы из того, что мы вынуждены были признать наш строй исторически прогрессивным по сравнению с капитализмом. Из теории железно следовало, что каждая новая формация прогрессивнее предыдущей.

Дальше встал вопрос: способен ли еще этот строй к дальнейшему развитию, или он исчерпал свои прогрессивные возможности, и тогда на повестке дня стоит коммунистическая революция? Решили, что исчерпал. Во-первых, потому что поскорее хотелось революции, во-вторых, потому что, как известно, советский режим никаких легальных возможностей бороться за его развитие и совершенствование не представлял. Этим он превращал в крайних радикалов людей, которые при других условиях, возможно, такими радикалами не были бы.

Как мы представляли себе тот коммунизм, к которому так стремились? Это общество, в котором не будет никакой собственности и никакой государственной власти. Организовано оно будет в добровольные самоуправляющиеся ассоциации, вступающие в свободные соглашения между собой. При этом мы весьма туманно представляли себе, как станет действовать экономика такого общества. Должен сказать, что идея рыночной экономики была нам совершенно чужда и непонятна. Идею групповой собственности рабочих коллективов на свои предприятия кто-то из нас разделял, но большинство относилось к ней весьма прохладно и считало ее мелкобуржуазной.

Сложнее обстояло дело с вопросом, надо ли бороться за демократические свободы. В глубине души, конечно, каждому из нас хотелось и многопартийности, и свободы печати, и свободы собраний. Но догмы обязывали относиться к этим вопросам, как к второстепенным, ибо они - чисто «надстроечные». Кроме того, было достаточно понятно, что советской системе демократия не свойственна. Из монополизма экономического неизбежно следовал и монополизм политический. А по нашей схеме сразу после советской социалистической (или госкапиталистической) формации должен был наступить непосредственно коммунизм. Демократии без коммунизма звать было неоткуда. Так что за чрезмерное увлечение общедемократическими требованиями в нашей компании можно было запознать с хлопотать кличку ревизиониста и оппортуниста.

Эту проблему после долгих мучений, наконец, решили по-ленински: ввели в нашу теорию тезис о перерастании демократической революции в коммунистическую. И надо сказать, что этот ленинский тезис нам сильно помог. Во-первых, он позволил нам, хотя и со скрипом, с оговорками, но все же признать теоретическую допустимость мирного пути развития революции: возможно, удастся сначала добиться от существующей власти политических свобод, а потом в условиях этой относительной свободы свергнуть господствующий класс без кровопролития (или почти без кровопролития). Во-вторых, этот замечательный ход позволил нам решить самую болезненную для нас проблему - проблему взаимоотношений с немарксистскими оппозиционными силами.

Первоначально мы все страдали своеобразным марксистским идеологическим снобизмом. На других смотрели свысока: не владеют, мол, передовым учением, старались подчеркнуть свою особость, в других видели соперников, с которыми надо вести идейную борьбу. Но постепенно пробивало себе дорогу чувство солидарности, чувство единения и общности со всеми гонимыми и преследуемыми советским режимом. С собратьями по несчастью хотелось дружить, а не бороться.

Гениальный ленинский тезис позволил нам хотя бы временно увязать концы с концами в наших мягущихся душах. Полностью мы преодолели снобизм и сектанство лишь много позже - уже после прекращения издания журнала и арестов. Дорога к признанию общечеловеческих ценностей была не близкой. И каждый из нас пошел своим путем к этой цели.

Теперь о содержании журнала. Первый номер был чисто теоретический. Второй - чуть разнообразнее. Там уже была страничка юмора (два маленьких сатирических «антисоветских» стихотворения) и подборка воспоминаний очевидцев о молодежных волнениях 4 июля 1978 года в Ленинграде. Дело в том, что летом этого года власти пообещали провести на Дворцовой площади концерт под открытым небом нескольких западных рок-групп. В последний момент концерт отменили, но народ все же собрался. В основном это была хиппующая молодежь - страстные поклонники рок-музыки. Стихийно возникла демонстрация, которую разогнали на Невском с помощью поливных машин. Все это было достаточно необычно для того времени.

Мы, конечно, увидели в этом пробуждение независимого общественного движения. Мы вообще возлагали чрезмерные надежды на революционность хиппи, сильно нами преувеличивавшуюся. Так вот именно для наведения мостов с хиппующей публикой мы собрали и напечатали эти рассказы.

В третьем номере, который мы так и не успели выпустить, планировалось дальнейшее «наведение мостов», на этот раз с буржуазно-либеральной оппозицией. И чтобы показать презренным либералам, какие мы терпимые, демократичные и лояльные партнеры, мы намеревались напечатать письмо одного из них с критикой в наш адрес. Естественно, предполагался и наш ответ.

Что случилось дальше, после того, как нас «замели»? Двоим - мне и Аркадию Цуркову - была предъявлена статья 70-я УК - антисоветская пропаганда и агитация с целью подрыва и ослабления существующего строя. Мы и не пытались отрицать, что стремились его подорвать и ослабить, о чем не сожалеем и сейчас. Аркадий получил 5 лет лагерей и два года ссылки (в лагере ему добавили еще 2 года заключения), меня же после суда «сплывали» в психушку. Выпуск журнала «Перспектива» больше не возобновлялся.